

Демократические революции в странах Центральной Азии и Кавказа. Взгляд из России

РЕВОЛЮЦИИ, ПРОИЗОШЕДШИЕ В ДВУХ СТРАНАХ НАШЕГО РЕГИОНА (ГРУЗИИ И КИРГИЗИИ), КАК И УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, СОВЕРШИВШАЯСЯ В СТРАНЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ, НО НЕ ВХОДЯЩЕЙ В НАШ РЕГИОН, И КАК РЕВОЛЮЦИИ, ПРОИСХОДЯЩИЕ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА, НАПРИМЕР, СЕРБИИ, ВЫЗВАНЫ ОБЩИМИ ПРИЧИНАМИ. ОНИ ПОРОЖДЕНЫ ПРИРОДОЙ СУЩЕСТВУЮЩИХ В ЭТИХ, КАК И ВО МНОГИХ ДРУГИХ СТРАНАХ, И В СНГ, И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ. ЭТОТ ТИП РЕЖИМОВ НЕ ИМЕЕТ УСТОЙЧИВОГО НАЗВАНИЯ. МОЖЕТ БЫТЬ, ИХ ЛУЧШЕ ВСЕГО НАЗВАТЬ РЕЖИМАМИ «УПРАВЛЯЕМЫХ» ИЛИ «ИМИТАЦИОННЫХ» ДЕМОКРАТИЙ.

Их особенность заключается в том, что формально, по конституциям, государства, в которых существуют эти режимы, - демократические. В их конституциях могут быть прописаны все возможные права и свободы. Но конституции играют здесь роль фасада, камуфляжа реальной системы власти президентов. Последние продлевают свою власть настолько они могут и передают ее по наследству избранному ими наследнику (часто - близкому родственнику). Для этого они используют не правовые и квазиправовые средства - подавление оппозиции, контроль над СМИ, организация не демократических избирательных кампаний, манипуляции с подсчетом голосов и т.д. и т. п. Реальный механизм власти в этих режимах находится в противоречии с формальной системой власти. Этим данные режимы отличаются и от демократий, и от режимов не прикрытого авторитаризма и тоталитаризма (военных диктатур, не конституционных монархий типа саудовской, коммунистических или фашистских режимов), которые прямо противопоставляют себя демократии.

На какой почве возникают такие режимы, приобретшие в наше время большую распространенность и отгеснившие открыто антидемократические и недемократические режимы? В современном мире антидемократические идеологии почти исчезли, и демократические нормы и принципы в идеологическом плане практически победили. Но эта победа не означает, что все общества способны жить по демократическим нормам. Так, после падения коммунизма в странах СНГ практически не было идеологий, выдвигающих какие-либо альтернативы демократии. Но одновременно практически все страны СНГ, не имевшие никакой демократической традиции, многие из которых вообще не имели опыта самостоятельного государственного существования, получившие государственную самостоятельность неожиданно, народы которых больше всего боялись анархии и хаоса, не могли создать демократических систем. Когда альтернативы демократии нет, но сама демократия не возможна, возникает ее имитация.

Я совершенно не хочу вносить в свое рассуждение моралистический аспект. Появление режимов «имитационных» демократий во многих странах - закономерно и нормально. Стоящие во главе их люди - совершенно не обязательно плохие люди. Они попадают в определенную ситуацию, и эта ситуация диктует им поведение. Тем не менее при характеристике этих режимов нельзя избежать слов, имеющих негативную эмоциональную нагрузку. Режимы такого рода основаны на противоречии между формой и содержанием, на необходимости «притворяться», проще говоря - я очень долго пытался найти какой-то эвфемизм, но не смог - на обмане. Демократический глава государства, выбранный на честных выборах, монарх, опирающийся на традицию, военный диктатор, «честно» опирающийся на силу армии, даже глава фашистского или коммунистического государства, опирающийся на не демократическую идеологию, могут и не обманывать. Но в режимах «имитационной» демократии обман является имманентной составляющей. Естественно, что такие режимы особенно подвержены коррупции. Если ты фальсифицируешь выборы и референдумы, то честной приватизации и правовой среды для бизнеса не может быть в принципе. Если Основной закон, конституция - лишь фасад, за которым скрывается противоречащее ему содержание, то и любой закон в той или иной мере играет роль фасада.

Идейная база таких режимов - не прочная, и их жизненный цикл - от становления через расцвет к упадку и гибели - относительно скоротечен. Правитель с годами, естественно, слабеет. Если он передает власть другому, будь это сын, как в Азербайджане, или просто лицо, от которого он не ожидает для себя или своих близких каких-либо неприятностей, как в России, это всегда менее харизматичная фигура. Режим впадает в застой, он все более погружается в коррупцию, и власть теряет приводные ремни к низшим звеньям аппарата. Режим постепенно теряет и контакт с реальностью, ибо, если

выборы подтасовываются, а СМИ контролируются, власть не может составить представление о том, что реально происходит в обществе. Эти силы подтачивали бы режим, даже если бы он существовал в абсолютно статичном обществе. Но он существует в современном, динамичном мире. Режим становится все более статичным, но общество развивается, и ему становятся тесны рамки режима. Имитация демократии, относительно простая и принимаемая обществами СНГ в начале 90-х, становится все более трудной.

Так как власть слабеет, а режим не дает возможности мирной и законной смены власти, страна идет к не мирной и не законной смене власти, то есть к революции. Характерной особенностью революций в странах с режимами этого типа («цветных»), прямо связанной с природой этих режимов, является то, что они приурочиваются к выборам. Выборы в таких странах всегда манипулируемы, всегда основаны на обмане. Но то, что проходило множество раз, в какой-то очередной раз не уже проходит - люди выходят на улицу и требуют соблюдения тех формальных норм, которые записаны в конституциях, но никогда не соблюдались.

Из всего вышесказанного ясно, что революции во всех странах с режимами этого типа неизбежны. Мирный и законный переход власти к оппозиции здесь не возможен «по определению». Но представить себе, чтобы власть так и передавалась от президента к назначенному им преемнику еще лет 50, также не возможно. Но если революционные смены власти в странах с режимами такого типа неизбежны, сроки, формы и последствия этих революций могут быть очень разными.

В СНГ пока что произошло три революции - в Грузии, Украине и Киргизии. И то, что именно эти страны оказались впереди, - не совсем случайно. В этих трех странах режимы личной власти были наиболее мягкими. Оппозиция не допускалась к власти, но могла легально действовать. Существовали свободные СМИ. Можно ли из этого сделать вывод, что чем авторитарнее режим, тем он прочнее, долговечнее?

Несомненно, что революция в Туркмении или Узбекистане - дело неизмеримо более трудное, чем в Киргизии или Грузии. И некоторые из напуганных революциями правителей наших стран извлекли для себя уроки из опыта Грузии, Украины и Киргизии и движутся в «узбекско-туркменском» направлении. И действительно, ужесточение режима может сделать его более прочным и долговечным. Но это имеет свою оборотную сторону. Чем жестче режим, чем больше он подавляет любую оппозицию, тем больше вероятности, что его падение будет неожиданно и примет насильственные формы. Нечто похожее мы уже видели в Узбекистане. Андижанские события дают представление о том, что может ожидать узбекский режим, сидящий на пороховой бочке. За относительную долговечность жестких режимов власти и общества могут со временем заплатить более высокую цену, чем та, которую заплатили власти и общества более «либеральных» стран «имитационной демократии», уже прошедших через революции. Вполне возможно, что те, кто сейчас сожалеют о судьбе Шеварнадзе, Кучмы и Акаева, будут ей завидовать.

Теперь - о результатах революций. Революция не может привести сразу к устойчивой демократии. Для устойчивой демократии нужна не одна, а несколько смен власти в рамках единых правил игры. Приход к власти Саакашвили или Ющенко - лишь шаг на пути к демократии. Следующим шагом должно стать их поражение на выборах, которое они должны спокойно принять, мирный и конституционный приход к власти каких-то их противников, а затем и их такой же мирный уход. Только после этого, после ряда ротаций власти в рамках стабильных правил, мы можем говорить, что право действительно укоренилось, что правила игры обладают большей властью, чем нынешний победитель в этой игре.

С победы революции может начаться утверждение демократии, но может быть и иной исход, который мы неоднократно видели во многих странах. Если деградация режима заходит достаточно далеко, президент теряет контакт с реальностью, обманчивый характер демократических процедур становится очевиден для всех, но общество не достигло еще достаточной степени развития, очень вероятно, что революция вначале приводит к демократии, но очень неустойчивой, раздираемой противоречиями. А затем устанавливается режим того же типа, который был до революции, но с иными персонажами и несколько иным идейным и символическим оформлением. Так было много раз в странах Латинской Америки, в Пакистане, Индонезии и многих других. Поэтому нельзя исключить, что режим, основанный на камуфлировании имитацией демократических процедур личной власти Акаева или Шеварнадзе и их «кланов», после революционно-демократической «интермедии» превратится в режим, камуфлирующий демократическими процедурами личную власть Саакашвили или Бакиева, как, например, в Индонезии в свое время на смену режиму Сукарно пришел режим Сухарто.

Революции - не благо и тем более - не самоцель. Благо и цель - устойчивое свободное развитие, возможное лишь в условиях правового демократического общества. Но в странах, где правовая демократическая смена власти не возможна, революция - болезненный, но неизбежный этап на пути создания такого общества.

